ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Чекушкина Елена Петровна
канд. филол. наук, доцент
ФГОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

МОТИВЫ МУЗЫКАЛЬНЫХ ЗВУКОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ю. СКВОРЦОВА И А. ГИЛЯЗОВА

Аннотация: *статья посвящена теме песни в жизни тюркских народов. Для раскрытия психологического характера героев чувашские и татарские писатели в своих произведениях часто используют народную песню или музыкальные элементы природы. Сопоставительно-сравнительный метод исследования позволяет выявить похожие литературные традиции чувашских и татарских народов. В статье исследованы произведения чувашского прозаика Ю. Скворцова и татарского писателя А. Гилязова.*

Ключевые слова*: татары, чуваши, народная песня, концепт музыки, мелодия, звуки природы, традиции тюркских народов, внутренний мир героев, характер героев.*

Еще в старину чувашский край не случайно называли «краем ста тысяч песен». У предков чувашей вся жизнь проявлялась в виде песни. Радость ли в счастливые минуты или утешение в печали, подмога ли в тяжелом физическом труде или философское раздумье в повседневной жизни – любое внутреннее настроение человека передавалось в форме мелодии. Ни одна народная обрядовая традиция не проходила без песен. Даже в те времена, когда не было у чувашей письменности, люди всегда пели, передавая слова песен из уст в уста. Именно благодаря этому сохранился у народа необычайно богатый фольклорный материал.

Нечто подобное наблюдалось и у других тюркских народов, живущих по соседству с чувашами, например, у татар. И вполне объяснимо, что такой художественный опыт, накопленный веками, не мог не отразиться в их письменной

литературе. Каждый писатель, взлелеявший в своем сердце древние традиции и душевные чаяния родного народа, неизменно обращался к этой духовной кладези праотцов. Так, в творчестве чувашского писателя Юрия Скворцова (1931–1977) и татарского народного писателя Аяза Гилязова (1928–2002), известных в литературе как мастера философско-психологической прозы, концепты музыкальных звуков, а также различных звуков природы занимают немаловажное значение. Примеры обращения Ю. Скворцова к народной песне мы находим в произведениях «Юрăç Ваççа» (Вася-певец), «Уках хурăнĕ» (Береза Угах), «Сурăм хĕрĕ» (Девушка с берегов Сормы), «Славик». В повести «Береза Угах» в каждой главе в виде эпиграфа взяты строки из народных песен, содержание которых раскрывает суть данной главы. Угахви, семнадцатилетняя девушка, до войны бывшая веселой и разговорчивой, а теперь надорвавшая свое здоровье тяжелым трудом, хоть и «не порхает легким шагом», но ее внутренний мир тих и спокоен. Вот как характеризирует ее автор: «*Угахви, как и все чувашские девушки, в песнях изливает свои печали и горести. Никто не разгадает потаенных мыслей чувашки, не услышав ее песен. И она не станет петь перед каждым. Даже перед подругой, а может, и перед мужем тоже…*» [3, с. 184]. Угахви чутка и внимательна к природе, к ее таинственным звукам. Она любила слушать песни леса: «*Бывало, зашумит лес, и Угахви, вспоминая что-то древнее, превращается в часть сердца леса: по прошлому скорбит, по ушедшему плачет… Ее безоблачная душа – это отзвук трепетной души живого края… Лес тоже пел: пели птицы, молча плакали деревья, листья шелестели…*» [3, с. 185]. Передавая болезненное физическое состояние девушки и ее стоическое сопротивление болезни, автор часто прибегает и к звукам природы. «Угахви боль своей души приглушает на лоне природы. Только с нею она чувствует себя спокойно, свободно, понятой, только здесь она может быть сама собою, может найти способ уйти от тяжелых дум», – отмечает исследователь Т.И. Семенова [2, с. 47]. Например, в то время, когда вся деревня на сенокосе, а Угахви из-за недуга вынуждена сидеть дома, то ее физическая боль вонзается в нервы читателя через эти строки: «*Громко позвякивает кровельное железо. Встревоженная металлическим зво-*

ном оса выходит из своего гнездышка, прилепленного к матице, и начинает испуганно жужжать» [3, с. 219]. Уходит энергия жизни из тела девушки как бы по одной капле: «*Кап! кап! капает сыворотка из творожного мешочка, подвешенного над кадкой*» [3, с. 220]. Угахви, так и никогда ни перед кем не спевшая свою песню, неожиданно запевает перед смертью: «Çӳлте кулюкка вĕçнĕ чух Кунĕ пулчĕ тĕтреллĕ. Эпир ӳссе çитнĕ чух Самани пулчĕ пит тертлĕ (Когда на небе голуби летали, День выдался пасмурным. Когда мы подрастали, Времена выдались тяжкие)» [4, с. 126]. В своей жизни как бы тяжело не приходилось работать, Угахви никогда ни на кого не жаловалась. И теперь она никого не упрекает за свою безвременную кончину, а лишь философски подытоживает: время было тяжелое. Таким образом, автор повести в этой последней песне заключил выражение скорби всей ее доброй души.

В повести А. Гилязова «Три аршина земли», где затронута проблема оторванности от традиций, предательства родной земли, автор тоже немало внимания уделяет мотиву песни. В повести есть место, где Мирвали, везущий на телеге тело жены, Шамсегаян, для похорон в родном ауле, вступает в ночной лес: «*Лес еще не спал. Мелкие зверушки, нетерпеливо ждавшие темноты, вышли на поиски пропитания. Повсюду слышались затаенные шорохи, и поэтому тишина, угнездившаяся наверху в листве, казалась тревожной и сторожкой… А Мирвали с каждым шагом крепче вцеплялся в телегу, плохо загнутые гвозди больно впивались ему в ладони, но он их не чувствовал. Орешник протянул свои тонкие руки на самую дорогу и трогал холодными листьями…*» [1, с. 125]. Это мечется душа Мирвали, прожившего как отщепенец вдали от родной деревни; его грех в виде загнутых гвоздей вонзается прямо в его сердце. Теперь ему стыдно возвращаться туда, где он, убегая, все сжег, но должен выполнить последнюю волю Шамсегаян. И тут побороть страх и успокоить душу Мирвали помогает песня, он запевает. В «Березе Угах» тоже есть место, где героиня вступает в темный лес: «*У ночного леса своя, жуткая красота. И этот огромный темный лес – единственный друг Угахви, только с ним делится она самым сокровенным, сердечным…*

Подолгу может Угахви рассказывать какому-нибудь безмолвному деревцу красивые сны, увиденные накануне вечером, сама подолгу слушает вековые думы гордых крон, и, благодарная, поет им невеселые песни о детском счастье» [3, с. 184]. Таким образом, чистая душа Угахви находит успокоение даже в темном лесу, хотя разные звуки ночного леса поначалу приводят ее в трепет.

Мирвали в дороге размышляет о прожитых годах вдали от родного аула и вдруг задается вопросом: «*Почему Шамсегаян перестала петь?*». Ведь в Карачурове она часто пела песни. «*Голос у Шамсегаян был красивый, звучный. С какой радостью и гордостью, бывало, слушал ее Мирвали… А какие песни любила она? «Рыжую лисицу»… «Гюльджамал»… еще «Цепочку часов»…*» [1, с. 131] Оказывается, Шамсегаян, такая же чуткая и внимательная, как Угахви, чтобы не бередить глубокие душевные раны мужа, вовсе перестала петь, ибо ее песни напоминали бы ему о покинутой родной деревне. Мирвали только теперь, потеряв ее, понял это, и «первый раз в своей жизни, не стыдясь, плакал навзрыд, самозабвенно». Таким образом, в этих произведениях концепт песни и звуков природы авторы используют для подчеркивания душевной раны, трагичности судьбы и глубоких внутренних переживаний героев.

Мотивы песни и музыки отображены также в повести «Весенние караваны» А. Гилязова и рассказах «Вася-певец», «Славик» Ю. Скворцова. В данных произведениях авторы поднимают тему первой любви и взаимоотношений молодых людей. Песней Адили в «Весенних караванах» автор изображает душевное состояние героини, «*песня ее – словно сплошной поток, словно половодье грусти, тепла и света*» [1, с. 439]. Ее слова песни «Текла бы я золотом…Падала бы каплями серебра…» становятся лейтмотивом всей повести: и Ибрагим, и Дамир, и Адиля, и Сабираттей, и другие люди аула готовы сделать невозможное для ближних – впрягаясь вместо лошадей в телегу, пешим ходом идут добывать зерно для весеннего сева. Песня Адили в повести – это тоска по любимому человеку, с которым она пока не может встречаться, ибо вынуждена поднимать малых деток умершей сестры. Одноименного героя рассказа «Вася-певец» в деревне прозвали

«певцом». Он окончил только семь классов и по просьбе матери остался в деревне колхозником. Хоть и консерваторий он не кончал, а песня в его жизни занимает большое место. Как поговаривали в деревне, песню «Распускаются листья» Вася пел якобы с мыслями о Вале, которая училась в московском университете. В отличие от него одноименный герой рассказа «Славик», четырнадцатилетний мальчик, учится в городском музыкальном училище. Он, встревоженный приездом соседки-студентки Эльвиры, возникнувшее к ней неведомое до этого странное чувство пытается облачить в новую мелодию. Однако новые гаммы пока растворяются где-то в пространстве так же, как и чувства к Эльвире остаются только иллюзией в его мечтах. Эльвира старше Славика, и поэтому она не видит в подростке любящего парня. Но когда, сидя на берегу реки, она просит его спеть, в песне мальчика девушка угадывает его сокровенные мысли о любви. *«– Хватит! – неожиданно сказала Эльвира и поднялась на ноги. Она схватила босоножки и побежала, так и не поправив волосы. В ее руках развевался красноватый шелковый платок, похожий на прозрачный плавник рыбы»* [4, с. 488]. Мучаясь в сладостной истоме первых светлых чувств и понимая, что эти чувства никак не могут быть разделены Эльвирой, Славик все-таки сочиняет музыкальную пьесу для фортепьяно со скрипкой. Музыка – это то, что объединяет душу Эльвиры и Славика. Услышанная девушкой в три часа утра музыкальная композиция – это гимн любви и красоте. Таким образом, автор рассказа через концепт музыки передает состояние Славика и Эльвиры: они духовно близки, понимают друг друга на полуслове, однако их разделяет этот мир, ибо Эльвире пора выйти замуж, уже сшито свадебное платье, а Славику еще нужно подрасти. При этом мальчик интуитивно чувствует, что внутренние миры Эльвиры и ее жениха Георгия совершенно разные, и от понимания этой разницы в его душу вселяется разлад и тревога. На свадьбе, где Славик в качестве аккомпаниатора должен развлекать гостей, музыка внезапно обрывается, юноша бежит прочь от Эльвиры и ее жениха. Так автор показывает взросление Славика. Оказывается, во взрослом мире не всегда бывает так ладно и гармонично, как в мире музыки, и взрослеющий Славик пока что не готов принять эти правила.

Несомненно, мотивы музыкальных звуков встречаются и в других произведениях Ю. Скворцова и А. Гилязова. В каждом произведении они выполняют важную и определенную функцию. Часто этот концепт используется для показа внутреннего психологического состояния, душевного переживания героев, а также это необходимо для раскрытия их характера.

Список литературы

1. Гилязов А. При свете зарниц: Повести / пер. с татар. / А. Гилязов. – Москва: «Сов.Россия», 1990. – 496 с.

2. Семенова Т.И. Ю.Скворцов геройĕсен чун хавалне юрă-кĕвĕ урлă уçса пани // Чăваш прозин пысăк ăсти: Республикăри ăслăлăхпа практика конференци материалĕсен пуххи (Шупашкар, 2011, пуш 30-31) / Ю.М. Артемьев, Г.И. Федоров, Е.П. Чекушкина; ред.В.В. Никифорова – Шупашкар: ЧПГĂИ, 2012. – С.46-52.

3. Скворцов Ю. Избранное: Повести, рассказы / пер. с чуваш. / Ю. Скворцов. – Чебоксары: Чуваш.кн.изд-во, 2011. – 384 с.

4. Скворцов Ю. Уках хурăнĕ: Повеçсемпе калавсем. / Ю. Скворцов. – Шупашкар: Чăв.кĕн.изд-ви, 1993. – 511с.